

Николай ЮРЛОВ

Красноярск

Николай Алексеевич Юрлов родился в вятской глубинке в 1954 году. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького. Работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, собственным корреспондентом газеты «Гудок» в Красноярске (1998–2007). Редактор отдела публицистики альманаха «Новый Енисейский литератор». Автор сайта «Русская народная линия» (Санкт-Петербург). Публи-

ковался в «Литературной газете», «Российской газете», журналах «Мир Севера», «Сириус», «Журналист». Автор книг «По Сибири с государевой оказией», «Звёздная миссия в прошлое», «По шпалам из века в век». Дипломант Красноярской краевой организации Союза журналистов СССР (1982). Лауреат конкурса «Журналистская Россия — 2009». Победитель IX межрегионального конкурса журналистского мастерства «Сибирь — территория надежд» (2010). Член Союза писателей России.

ДОСТОЕВСКИЙ-НОВЭМ¹

Девять записей о главном

По примеру студенческого друга на изломе эпох я начал вести литературные конспекты, выписывая из произведений достойные внимания фразы. И так уж получилось, что открыли мои тетради «Записки из Мёртвого дома». Безмерно благодарен за это классику и считаю, что именно Фёдор Михайлович Достоевский самой судьбой был командирован, чтобы сказать грядущим потомкам многие умные вещи.

Какие именно, следует ниже.

1. Два писателя об одном и том же

Бывает же так: два классика-антагониста, абсолютно не сговариваясь между собой, то есть автономно, пишут почти слово в слово. Не верите? Да я и сам удивился, когда вот этот отрывочек из тургеневской «Муму», запомнившийся ещё со школьных лет, нашёл удивительное соответствие у Достоевского:

«Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык наконец к городскому житью» (Тургенев, «Муму», 1852).

¹ Новэм (числит.) — число девять по латыни.

И уже в «Записках из Мёртвого дома» (1860 — 1861):

«Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее определение человека».

Почувствовали некое тождество? Хронологическое первенство остаётся за Тургеневым, но только отчасти, поскольку всё мощнее у Фёдора Михайловича, открывшего в человеке такую бездну!

2. Барабанная шкура

«Не слушался отца и матери — послушайся теперь барабанной шкуры», — прекрасное средство воспитания детишек на жизненном примере Фёдора Михайловича Достоевского, ибо две каторги было у этого писателя: одна — сибирская, другая — литературная.

Правда, придётся ещё и объяснять нынешним отрокам и отроковицам, что есть «барабанная шкура» и как она соотносится с хрестоматийными «Записками из Мёртвого дома». И что такое «Мёртвый дом» вообще...

Вот только относительно лаек и дизлаек, а также где их следует ставить и не ставить, объяснять ничего не надо — современные детки, наученные многообразием блогосферных клипов, а также тонкостям российского законотворчества, такие вещи схватывают прямо на лету.

«Записки из Мёртвого дома» можно вообще растаскивать на цитаты, и наверняка какие-нибудь отличники в сибирских школах это успешно делают: столько в этом произведении регионального компонента, выражаясь языком современных составителей образовательных программ. И про Сибирь как страну возможностей необычайных сказано с истинной любовью, что, конечно, удивительно для Достоевского-каторжника. И о том, что люди здесь живут простые, нелиберальные, а порядки старые, крепкие, веками освящённые...

Почитаешь нашего национального гения, и можно хоть завтра столицу в Сибирь переносить! От беды подальше...

И не только школьники, но и большие политики непременно должны заглянуть в это сочинение господина Достоевского, поскольку именно здесь содержится рецепт национальной идеи. Ищут её у нас уже больше четверти

века и чуть ли не с собаками, и только, похоже, один человек приблизился к нужному пониманию, учредив даже партию «Справедливая Россия». Друг Владимир закадычного приятеля поддержал, а вот на местах, как водится, идею искажают. «Справедливость не за горами» — ну разве может красоваться на предвыборных баннерах подобное партийное словотворчество?

Где-то она на необъятных наших просторах ещё хоронится, эта самая справедливость: видимо, «за морями, за лесами»...

А между тем Фёдор Михайлович чётко обозначил её в своих «Записках» как *высшую и самую резкую характеристическую черту русского народа*. Справедливость и жажда этой справедливости — это и есть тот нравственный стержень, который православная цивилизация передала нам с генами, но *потому* и с генами, что из *девяти* заповедей блаженства в *трёх* напрямую говорится о справедливости, о вечном искании человеком правды на этой грешной земле...

Стоит серьёзно задуматься: попранное чувство справедливости уже дважды на протяжении всего лишь одного столетия становилось основополагающей причиной, по которой на одной шестой части суши рушились государства.

3. Новое о Раскольникове

Перечитывая сейчас Достоевского, я пришёл к выводу, что Родион Романович Раскольников не только неизменный герой школьных сочинений, но ещё и выдающийся самоизолянт.

Ведь чтобы дойти до дела, он сначала подвёл под него теоретическую базу, что освободило его от необходимости посещать Императорский университет (это как у нас федеральный вуз). Зачем, если всё к экстернам шло? А потом несколько месяцев вообще глаз никуда не показывал, разве что к старушке иногда. Об заклад с ней бился: мол, непременно выдержит любые условия самоизоляции, потому как самодостаточен, видит пророческие сны; в баню и цирюльню ему ходить не резон — всё это вздор, и в следующий раз вещицу он ещё круче прежнего принесёт...

Учитывая все трудности самоизоляции, авенантненькая² квартирная хозяйка Прасковья Павловна к бедному студенту была чрезвычайно милостива, а прислуга Настасья вообще души не чаяла. Чем не бескорыстный волонтер — прямо к постели щи да кашу, пищу нашу, ещё тёпленькими принесёт. В какую сторону ни поверни, страшно актуализирован нынче Родион Романович Раскольников: мы тоже сидели исключительно дома, и хорошо сидели!

В некотором роде без работы оставляли наследников незабвенного Порфирия Петровича, ибо к топору по примеру нашего героя никого не звали-с и не зовём-с, но это уж, как говорится, се ля ви...

(Пусть простит меня читатель за столь фривольный стиль, но он никакого отношения не имеет к постмодерну, это скорее увертюра к изложению других сочинений Достоевского, созданных им в сатирическом ключе.)

4. Бессонница мадам Хохлаковой

Никогда не соглашусь с высказыванием кого-то из великих, что литература — это кривое зеркало. Зеркало, конечно, кто спорит, но зеркало скорее увеличительное, а в особенных случаях и зеркало времени, которое даёт возможность увидеть то, что будет, что случится через много-много лет...

В этом отношении весьма показательно творчество Фёдора Михайловича Достоевского: писатель оказался намного прозорливее даже своего героя — монастырского старца Зосимы, бухнувшего перед скорым узником тюремного замка на колени. Иеромонах разглядел в Мите Карамазове будущее великое страдание, а поступок русского инок вызвал в уездном городе Скотопригоньевске неоднозначные пересуды, в том числе и в обществе госпожи Хохлаковой. Создавая образ этой «современной женщины», которая любит Салтыкова-Щедрин, этот «сосуд с серной кислотой», и не знает, что ей больше всего требуется в жизни — верить в чудо или быть законченной реалисткой, Достоевский «сквозь магический кристалл» заглянул и в наше неоднозначное время.

² Авенантненькая — приятная, привлекательная, как и было сказано (франц.).

Принимая в гостиной «энергического человека» Митю Карамазова, мадам Хохлакова признаётся: *«Падение нашего кредитного рубля не даёт мне спать...»*

После откровения госпожи Хохлаковой, право, не знаешь, куда ты попал, в каком веке очутился: в пореформенной России позапрошлого столетия или в России нынешней, где всё ещё строят сословное общество и никак с этим делом не покончат, где уже есть давным-давно дамы и господа, но имеются ещё и товарищи офицеры. (Ответить, когда в этом вопросе будет наконец-то ясность, ответить «математически», как того добивалась от собеседников эта беспокойная героиня хрестоматийного романа, в наши дни не сможет ни один государственный муж, какой бы высокий пост он ни занимал.)

Живо представляю, как мучает бессонница граждан и гражданочек Российской Федерации, как они, подобно литературной дамочке Достоевского, страшно мучаются и принимают на ночь снотворное, которое им уже не способно помочь. Да и чем тут поможешь, ежели у нас всё падает и никакие подпорки и скрепы больше не держат? Значит, надо ехать в Сибирь-матушку, на её золотые прииски, как советует Мите Карамазову госпожа Хохлакова (кстати, сырьевую доминанту российской экономики Достоевский тоже предвидел), и чартерными рейсами в срочном порядке отправлять намытое золотишко в Лондон.

Там, у английской королевы, а теперь уже и короля, конечно, как будто не так трясёт, да и с Лондона выдачи нет...

5. Они по двое не бывают...

Литературный комбайн, который убирает огромное поле с нелёгкими, а зачастую полёглыми хлебами, отправляя срочно в набор первые главы ещё не завершённых произведений, — вот контурно обрисованный портрет Достоевского. Писателю катастрофически не хватало времени, чтобы поработать над формой собственных сочинений, придать им совершенство, и он мучился не меньше, чем с приходом падучей, понимая, что осуществить тот передел, который, возможно, и был бы нужен в данном случае, не позволяют ненавистные господа кредиторы. Вероятно, именно поэтому на уровне

подсознания Достоевский не терпел Тургенева, любимца читающей женской публики и мастера филигранного языкового оформления, барина в русской литературе. Можно предполагать, что эта неприязнь зародилась, когда Иван Сергеевич ушёл с вечернего чтения у Виссариона Белинского одной из ранних повестей автора «Двойник» — пожалуй, самого изящного произведения Достоевского, отнюдь не случайно обозначенного им жанрово как «петербургская поэма».

Но если для чтения идеологических романов Достоевского действительно требуются определённые навыки и терпение хотя бы до первых ста страниц, то «Двойник» (особенно современным человеком) глотается мгновенно. Не только с психологической точки зрения, поскольку здесь показана «модная» нынче болезнь титулярного советника Якова Петровича Голядкина в начальной и конечной фазе её развития. Да что для нас какой-то мелкий чиновник николаевской эпохи, к которому стал являться «неблагопристойный близнец»!

Разве здесь один литературный интерес, если герой, как он сам выражается, маску надевает лишь в маскарад, а не ходит с нею перед людьми каждодневно и хитро нам из глубины веков подмигивает?..

Сегодня раздвоение личности из плоскости медицинской плавно перешло в плоскость конспирологическую, а тема двойников — одна из самых заезженных на блогосферном пространстве, и лишь ленивый не сделает мышинный клик, увидев на «Дзене» очередную публикацию «про это». Тем любопытнее для нас трактовка двойничества, предложенная в первой половине девятнадцатого века русским пророком, и как тонко он её излагает для потомков — с помощью слуги чиновника Голядкина и вечного пьяницы Петрушки, гласа простонародного: *«Добрые люди живут по честности, добрые люди без фальши живут и по двое никогда не бывают...»*

У нас в родном Отечестве случается и так, что устами человека, перманентно пребывающего под хмельком в одном из больших домов по улице Шестилавочной, тоже глаголет истина. Да ведь о том же твердит и Фёдор Михайлович Достоевский в «Записках из Мёртвого дома»:

«Везде в русском народе к пьяному чувствуется некоторая симпатия».

6. И не играть словами...

Отрывной календарь с жирной красной единицей на открытии — это первое, что я увидел, когда, пробудившись, включил свет сумеречным январским утром Двадцать первого года Двадцать первого века.

Календарь был толстый, аккуратно подрезанный по краям гильотиной, и ни один его листок ещё не был оторван: новый год только-только начинался, а какой он будет, я прочёл на обороте астрологического численника. Год Белого Быка!

Уж не то ли это животное, что снилось дворовому человеку Фалалею, комическому герою Достоевского? Снилось особенно тогда, когда слугу учили говорить по-иностранному, и сон про белого быка являлся несчастному почти каждую ночь, так что совершенно некуда было от него деться...

Нет, что бы там ни говорили, а всё-таки прозорливец господин Достоевский — в комической повести «Село Степанчиково и его обитатели» он даже предсказал поклонение россиян календарю двенадцати зверей и этому Белому Быку.

Что касается других прозрений русского литературного гения, их в полном объёме аккумулирует Фома Фомич Опискин. Это он жаждет быть умственным учителем, мечтая написать такое великое сочинение, от которого случится всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия. Разве сей «пророк либеральной фразы», по меткому определению критика, не напоминает наших нынешних партийных фразёров, больше играющих словами, но всё же помпезно пытающихся изменить мир, особенно в период избирательных кампаний?

«Иных уж нет, а те далече...» И хорошо, что нет, — они вполне закономерно сошли с политической авансцены: нечего эпатажничать и морочить голову честным людям, пытаясь изобличить окружающий мир во всех его пакостях, как мечтал о том неудавшийся литератор Опискин...

7. В крошечном чреве крокодила

Не любили либералы Достоевского, не пылали к нему особой симпатией, что и запротоколировал для истории учёный муж Семён Венгеров в Энциклопедическом

словаре Брокгауза и Ефрона, где он вёл единолично отдел литературы. Выражая мнение всех российских «прогрессистов», приват-доцент Императорского Петербургского университета считал «кающегося дворянина» писателем злым и жестоким, не способным быть властителем умов читающей публики — разве что нравственным учителем.

Сынок банкира, бывший когда-то (по грехам молодости, конечно!) под гласным надзором полиции, не мог простить Фёдору Михайловичу «Крокодила» — рассказа хлёсткого, почти саркастического. Если кто-то считает, что Достоевский не имеет никакого отношения к русской сатире, тот глубоко ошибается. Более того, образ этого клыкастого обитателя пресных африканских глубин, которому ничего не стоит проглотить не просто человека — целого чиновника («ганц чиновник»), смело можно считать предтечей еженедельного журнала, выходявшего на бывшем советском пространстве миллионными тиражами.

И кто из представителей старшего поколения не помнит этот замечательный слоган: «Вилы — в бок!»? Отточенные предельно остро, они крепко вонзались в тела жирующих взяточников и казнокрадов всех мастей, номенклатурных прохиндеев, беспринципных карьеристов, расхитителей социалистической собственности — стало быть, по-своему тоже помогали советскому обществу самоочищаться, становиться лучше...

Существует несколько версий, кто мог придумать название журналу «Крокодил». Согласно одной из них, это сделала простая уборщица, когда ранним московским утром 1922 года явилась в кабинет, где засиделась на всю ночь весёлая журналистская братия и мучительно, до хрипоты, перебирала варианты клишированного заголовка к будущему сатирическому приложению «Рабочей газеты». «А намусорили-то как! Ровно крокодилы», — сказала баба.

(«Чудён нынче стал народ», — добавил бы устами уличного персонажа писатель Достоевский, изумившись энтузиазму первых бойцов идеологического фронта; подобный трудовой подвиг, сопровождаемый мужицкой основательностью и комсомольским задором, в дореволюционных изданиях выглядел бы по меньшей мере странно.)

Человек со шваброй, стоявший на самых нижних ступеньках социальной лестницы, теоретически мог всё-таки читать Фёдора Михайловича. Но иногда эта профессия при большевиках становилась вынужденной. Чего не сделаешь, чтобы тебя и твоих детей не причислили к лишенцам, на какой только подлог не пойдёшь! (Эпопея «Весна в Карфагене» Вацлава Михальского, отмеченная Государственной премией России, подлинность подобных перевоплощений только подтверждает.) Если это была уборщица из бывших, она могла и на важную мысль натолкнуть. Стал же рассказ классика неким побудительным мотивом для Корнея Чуковского, который ещё в разгар Первой мировой прочно застолбил так называемую «крокодильскую» тему, несмотря на явные нападки со стороны видных деятелей Пролеткульта.

Какие же пороки бичевал Достоевский в своём «Крокодиле», напечатанном в журнале «Эпоха» в 1865 году? Прежде всего, разумеется, извечное преклонение элиты перед Западом, получившее особенный, чисто российский размах с началом правления царя Петра. Даже теперь, когда постсоветское общество уже не движется поступательно, по спирали, а резко развернулось вспять, российских элитариев, нынешних «неодворян», в прозападных пристрастиях не остановит даже СВО.

Столичный чиновник Иван Матвеич (фамилия его неизвестна, да и зачем её оглашать, если он — типаж?) всеми своими мыслями тоже в старушке Европе: ему бы в Швейцарию съездить, на родину Вильгельма Телля, в Неаполе весну встретить, осмотреть музей, нравы, животных... Поглазеть на «говядину» Рубенса и окончательно увериться в том, что это три восхитительных грации!

Человек прогрессивных взглядов и к тому же образованный (почувствуйте авторскую иронию!), он получил трёхмесячный отпуск и уже купил «из последних наградных» билет за границу, в «страну святых чудес», как вдруг в безмятежную жизнь отпускника вмешался форс-мажор. Нет, никакой войны не стряслось — Крымскую кампанию Россия к тому времени бездарно проиграла, обозначив печальную страницу поражённости в своей истории. Пока же всё было спокойно, тихо, мирно, только вот один-единственный

пассаж, отмеченный писателем Достоевским: стоило Ивану Матвейчу пойти на поводу у красавицы-жены, посетив петербургский «Пассаж», как чиновника в галереях тут же... всецело проглотил крокодил. Некая живая игрушка, доходная частная собственность зверовладельца из Германии, который демонстрировал публике экзотических животных, в том числе и дражайшего Карльхена, за четвертак — четверть рубля, немалые деньги, между прочим. И что тут началось, но «к делу, к делу, к делу»!

«Вспороть, вспороть, вспороть!» — яростно вцепившись в сюртук крокодильщика, кричала на весь белый свет «дамочка-конфетка» Елена Ивановна, чтобы освободить из темноты заточения несчастного узника. И у кого только язык повернулся назвать её особой сублимной? Это же энергетически заряженная женщина-огонь!

Но вспороть нутро, разрезать крокодилово чрево, как того страстно возжелала перевозбуждённая жена пострадавшего, оказалось задачей абсолютно невыполнимой, ибо ведь «экономический принцип прежде всего». У нас промышленности мало, надо её родить, так называемую буржуазию родить... Капиталы из-за границы привлечь... Дать ход иностранцам, протезировать иностранного собственника... Наши финансы не растут, среднего сословия у нас нет, кошель больших нет...

Цепочка либеральных рассуждений, к которым прибегает в «Крокодиле» новоявленный русский капиталист Игнатий Прокофьич на званом вечере у Луки Андреича, точно переносит современного читателя в наш, относительно недавний, день. Тогда, как известно, все надежды «преобразователей России» (в «лихих девяностых» они числились как демократы первой волны) были связаны с заграницей, иностранными вложениями и концессиями — только они способны реанимировать умирающую экономику государства Российского. Всё это было, как мы знаем, красивой информационной подоплёкой, идеологической «операцией прикрытия», за которой следовали массовый вывоз капитала и грабёж минерально-сырьевых богатств страны.

Заискивание перед Западом и патологическая ненависть к своей Родине, тысячелетней России, — вот те геркулесовы столпы, на которые опирался либерализм тогда,

во времена Достоевского, опирается и теперь, в пору внешне-неполитической изоляции нашей страны. Но классическую привычку заискивать имеет только лакей, что и было отмечено Достоевским в его программном романе «Бесы»:

«Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вылизать».

Он и в крокодилово чрево войдёт, и не захочет оттуда выходить, если того потребуют нужды мирового прогресса и неумолимые экономические законы — о «невидимой руке рынка», к примеру; на неё по-прежнему указуют нам и сейчас. Русский либерал будет свято верить в свою избранность, вынашивая грандиозные планы, что если он получит известность *здесь*, в крошечном нутре, то разлюбезная половинка, устраивая литературные салоны для тех, кто верит в прогресс, и яростно пропагандируя мужа и душку-крокодила, станет знаменита *там*. То есть в элитных петербургских кругах, среди людей передовых взглядов, разумеется.

И полетят на квартиру ещё одной литературной хозяйки европейские телеграммы, а сам Иван Матвейч, несомненно, изобретёт собственную теорию новых экономических отношений и станет... кафедрой. В чреве пресмыкающегося хоть и сыровато, и склизко, и несколько пахнет резинотехническими изделиями, зато здесь, лёжа на боку, можно перевернуть судьбу человечества: *«из крокодила как будто это виднее становится».*

«Если не Сократ, то Диоген, или то и другое вместе, и вот будущая роль моя в человечестве», — восклицает неизвестный дотолем чиновник, невозмутимо претендующий на мировую славу.

Было за что не любить российским либералам писателя Достоевского! «Герой» нашего противоречивого времени господин Чубайс его откровенно, всеми фибрами души, ненавидит...

8. «Учись быть русским!»

Вдоль городской дороги, по обочинам которой уже начал чернеть выпавший накануне снег, на заборе, где чего только не вывешивают, я увидел броский, совершенно

неожиданный для нашего времени плакат. Он и появился — то чуть ли не с метелью, заснеженный по краям, вобравший в оформление чёрный, кричащий цвет.

«Учись быть русским!» — призывно гласила надпись, а более мелким шрифтом следовало, что же конкретно эта фраза включает в себя: *«Брось курить, брось пить, уважай старших, создай семью, займись спортом».*

Всё, кажется, замечательно. Нет только главного — русского неба, русской веры. А ещё той «всечеловечности русской души», нашего нравственного богатства, национальной особенности, если хотите, на что указывал писатель на юбилейных пушкинских торжествах. Стать по-настоящему русским, в провидческом понимании Достоевского, невозможно без православной веры:

«Как только мы почувствуем себя русскими и православными, тотчас всё и устроится».

Или мы забыли, а может, уже и не знаем об этом? А если и помним, то ссылаемся на то, что у нас — де светское государство, и Церковь отделена от него ещё вон с каких времён, когда матрос Железняк со товарищи безмятежно фланировал коридорами Таврического, но уже готовился произнести историческую фразу...

9. Дураки и Коля

Гимназический герой с пылкой душой (звали его Коля Красоткин) однажды объявил войну глупости человеческой и обозначил своё кредо: расшевелить дураков во всех сферах жизни. Побольше бы подобных Коля, возмущающих общественное спокойствие, особенно в наши дни.

Очень надо! Ведь как только это броуновское движение начнётся, так у нас и настанет вполне динамичная жизнь — слишком уж сейчас она застоялась...

Вот почему к вам настоятельно обращаюсь я, друзья мои: продолжим великое дело Коли Красоткина из «Братьев Карамазовых»!